

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ԼՈՒՍԻՆԵ ՍՈՒՐԵՆԻ ԹՈՎՄԱՍՅԱՆ

ՄԻՋՏԵՔՍԱՅՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՀԵՔԻԱԹԱՅԻՆ ՊԱՏՈՒՄԻ
ՄԵԿՆՈՒԹՅԱՆ ԵԼԱԿԵՏ
(վիկտորիանական հեքիաթի նյութի հիման վրա)

ժ.02.07 – «Գերմանական լեզուներ» մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի
գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսության

ՍԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2013

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТОВМАСЯН ЛУСИНЕ СУРЕНОВНА

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ КАК ПРИЗМА
ИЗУЧЕНИЯ СКАЗОЧНОГО НАРРАТИВА
(на материале викторианской сказки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.07 – «Германские языки»

ЕРЕВАН – 2013

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում:

Գիտական ղեկավար՝

բ.գ.դ., դոց. Ա. Հ. Զիվանյան

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝

բ.գ.դ., պրոֆ. Ե. Վ. Կարաբեգովա
բ.գ.թ., դոց. Գ. Է. Մելիքյան

Առաջատար կազմակերպություն՝

Երևանի Վ. Բրյուսովի անվան
պետական լեզվաբանական
համալսարան

Ատենախոսության պաշտպանությունը կայանալու է 2013 թ. հունիսի 21-ին, ժամը 11:00-ին ՀՀ ԲՈՂ-ի՝ ԵՊՀ-ում գործող «Գերմանական լեզուներ» 009 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0025 Երևան, Ալեք Մանուկյան 1).

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ԵՊՀ գրադարանում:

Մեղմագիրն առաքված է 2013 թ. մայիսի 16-ին:

Մասնագիտական խորհրդի
գիտական քարտուղար,
բ.գ.դ., պրոֆ.

Ե. Լ. Երզնկյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете.

Научный руководитель:

д.ф.н., доц. А. А. Дживанян

Официальные оппоненты:

д.ф.н., проф. Е. В. Карабегова
к.ф.н., доц. Г. Э. Меликян

Ведущая организация:

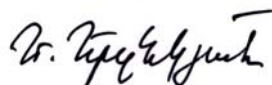
Ереванский государственный
лингвистический университет
им. В. Я. Брюсова

Защита диссертации состоится 21 июня 2013г. в 11:00 на заседании специализированного совета 009 – «Германские языки» ВАК РА при ЕГУ (0025 Ереван, ул. Ал. Манукяна 1).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ЕГУ.

Автореферат разослан 16 мая 2013 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
д.ф.н., проф.

Ե. Լ. Երզնկյան

Реферируемое диссертационное исследование посвящено интертекстуальной интерпретации текстов сказок Л. Кэрролла – виднейшего представителя викторианской эпохи. Роль интертекстуальности в интерпретации текстов в современной лингвистике велика, поскольку интертекстуальность выступает как фундаментальная основа текстообразования. Каждый текст является синтезом предшествующих текстов и основой для возникновения последующих. Как отмечал М. М. Бахтин, «два высказывания, отдаленные друг от друга и во времени и в пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.)»¹.

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена ведущей ролью категории интертекстуальности как прочного конструктивного базиса в формировании и интерпретации текстов, в том числе и текстов сказки. Литературная сказка, обязанная своим рождением, развитием и существованием фольклорной сказке, являющейся прототекстом, предтекстом, по отношению к ней, выступает по своей природе как интертекстуальный жанр.

Объект нашего исследования – категория интертекстуальности в сказках Л. Кэрролла. **Предмет** исследования – различные уровни проявления интертекстуальности между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками.

Научная новизна исследования заключается в следующем: несмотря на то, что викторианская сказка почти непрерывно находилась в центре внимания представителей традиционного литературоведения, психологического литературоведения, психоанализа, стилистики, психолингвистики, собственно лингвистики, явление викторианской сказки не подвергалось комплексной интерпретации с позиций ее интертекстуальной соотнесенности с текстами фольклорных сказок, тем более, с включением текстов армянских фольклорных сказок. Таким образом, впервые предпринимается реализация комплексного детального многоуровневого интертекстуального исследования викторианской сказки (на материале сказок Л. Кэрролла) на следующих текстовых

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986, с. 321.

уровнях: мотивном, персонажном, семантическом и стилистическом, в частности, тропологическом. Особый акцент в диссертации делается на тропологический уровень, исследование которого выявляет наличие специфических сказочных тропов – псевдогиперболы², псевдолитоты, псевдосинекдохи, метасинекдохи. Тропологический уровень подвергается одновременно визуальной интерпретации, поскольку последняя выступает как стратегия для толкования текстов в современной лингвистике, в частности, в жанре нонсенса.

Новым является также применение психоаналитической стратегии интерпретации в тропологическом исследовании сказок Л. Кэрролла: интерпретация ряда мотивов с психоаналитической точки зрения объясняет наличие контрастов, пронизывающих текст сказки «Алиса в Стране чудес» и являющихся основой возникновения ряда жанрообразующих тропов, играющих существенную роль в развертывании сказочного повествования.

Цель диссертационной работы состоит в выявлении роли и значимости интертекстуальной соотнесенности в восприятии и интерпретации текста викторианской сказки.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) Провести сопоставительный анализ на уровне интертекстуальных отношений между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками.
- 2) Рассмотреть интертекстуальные проявления мотива и персонажей с позиций лингвофольклористики.
- 3) Провести интертекстуальное исследование жанрообразующих тропов в сказках Л. Кэрролла.
- 4) Показать, каким образом алогичные, аномальные с точки зрения нормативной лингвистики явления, сплошь и рядом встречающиеся в текстах Л. Кэрролла, приобретают логическую семантическую полноценность через установление интертекстуальных отношений с фольклорными сказками.

² Jivanyan A. The Neutralization of Tropes in Armenian Fairy Tale Narratives. // Folklore 36, 2007, 89-99 pp. (source: <http://haldjas.folklore.ee/folklore/vol36/jivanyan.pdf>, accessed May 15, 2010).

Для решения поставленных задач используются следующие **методы**: сравнительный, описательно-аналитический, предполагающий наблюдение и описание языковых явлений, метод сплошной выборки.

В качестве материала для сравнения послужила кельтская (шотландская, ирландская) и армянская фольклорная сказка. В работе используются также инвариантные тексты сказок³, такими мы считаем классические сказки благодаря их неопровержимой общеизвестности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят определенный вклад в разработку теории интертекстуальности и теории поэтики как авторской, так и фольклорной сказки.

Практическая ценность состоит в том, что результаты исследования могут найти применение в практике преподавания стилистики, теории и интерпретации текста, лингвофольклористики.

Теоретико-методологический фундамент исследования составляют теоретические положения, сформулированные в трудах М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, М. Риффатера, Ж. Дерриды, У. Эко, Ю. М. Лотмана, В. Я. Проппа, К. Юнга, Б. Холбека, Н. Пьеге-Гро, Б. М. Гаспарова и других, основанных на идеях о диалогичности текстов, включая тексты сказок.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Между викторианской (примером служат сказки Л. Кэрролла) и фольклорной сказкой существует выраженная интертекстуальная связь, обусловленная поэтикой литературной сказки.
- 2) Характер этой интертекстуальной связи является многоуровневым, причем различные интертекстуальные уровни дополняют и определяют друг друга, что способствует более основательной интерпретации викторианской сказки.
- 3) Основные мотивы сказок Л. Кэрролла, а также их функции выявляются в текстах фольклорных сказок, что свидетельствует о единой смысловой целостности текстов в пределах определенного жанра.

³ Ջիվանյան Ա. Հ. Հրաշապատում հեքիաթի պոետիկան. Համեմատությունը հեքիաթի համատեքստում: Ատենախոսություն «Բանահյուսություն» մասնագիտությամբ բանասիրական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման: Երևան, 2008, с. 6:

- 4) Персонажи Л. Кэрролла наделены всеми семантическими признаками, свойственными фольклорным персонажам.
- 5) Интертекстуальная интерпретация играет определенную вспомогательную роль в адекватном восприятии нонсенса Л. Кэрролла.
- 6) Интертекстуальность выявляет специфическое использование тропов как в викторианской, так и в фольклорной сказке, что обусловлено единством жанра.
- 7) Наличие интертекстуальных отношений на различных уровнях прослеживается также между викторианской и армянской фольклорной сказкой.

Структура диссертации: введение, пять глав, заключение, список использованной литературы.

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяются цели, задачи и методы исследования, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – **«Интертекстуальность как текстовая категория»** – излагаются общетеоретические предпосылки исследования.

В ее первом параграфе – **«Общая характеристика понятия интертекстуальность»** – рассматривается концепция «диалогизма» в качестве основы теории интертекстуальности. Ю. Кристева впервые употребила термин «интертекстуальность» в статье «Бахтин: слово, диалог и роман» (1967), переосмыслив работу М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), в которой выступает феномен диалога текста с текстами. Представлены также формы проявления интертекстуальности и исследования, посвященные трактовке, интерпретации и выявлению значимости категории интертекстуальности.

Во втором параграфе указанной главы – **«Аспекты интертекстуальности»** – исследуются показатели, функции и проблемы теории интертекстуальности. Наличие большого числа разнообразных дефиниций, подходов и характеристик доказывает глубину, сложность и актуальность понятия интертекстуальности как текстовой категории, выступающей важнейшим фактором конструирования текстов, а, следовательно, и неотъемлемым условием их существования.

Вторая глава диссертации – **«Интертекстуальность в сказочном нарративе»** – посвящена исследованию категории интертекстуальности в жанре сказки.

В первом параграфе – **«Интертекстуальная природа сказки»** – рассматриваются различные исследования, освещающие интертекстуальный характер сказки. Идеи В. Я. Проппа о существовании единой морфологической модели сказок, мнение К. Юнга о подчинении всех сказок одной психической модели, создание единого сказочного каталога представителями финской школы, гипотеза Б. Холбека о едином происхождении сказки и необходимости ее целостного изучения убедительно свидетельствуют о интертекстуальной природе сказки. Представления о сказке как сверхорганической цельности, едином громадном образовании с идентичными генетическими корнями, основанными на праформе, являющейся базисом для ее дальнейшего исторического развития, идея об отсутствии в сказке региональных и национальных границ свидетельствуют о том, что сказка является одним из самых интертекстуальных жанров литературы.

Интертекстуальная связь, проявляющаяся между литературной и фольклорной сказкой, обосновывается во втором параграфе главы – **«Фольклорный интертекст в литературной сказке»**. Наличие идентичных черт, сходных мотивов, персонажей, элементов семантического и лингвостилистического характера свидетельствует о тесной взаимосвязи между фольклорной и литературной сказкой, которые выступают в отношении текст – архитектекст⁴.

В третьем параграфе указанной главы – **«Обобщенная интертекстуальная характеристика сказок Л. Кэрролла»** – в общих чертах рассматривается проявление интертекстуальности в сказках Л. Кэрролла, которые своими корнями глубоко уходят и прочно опираются на фольклорную традицию, включающую не только фольклорную сказку, но и другие виды народного творчества. Интертекстуальный характер сказок Л. Кэрролла, проявляющийся во многих областях (фольклористика, лингвистика, литературоведение, мода, живопись, промышленность, бытовая сфера), является актуальным предметом исследования.

⁴ Ջիվանյան Ա. Հ. там же, с. 73:

В последующих главах подробнее освещены различные уровни проявления интертекстуальности в сказках Л. Кэрролла.

В третьей главе диссертации – **«Проявление интертекстуальности на уровне мотива и персонажей»** – анализируется ряд мотивов и персонажей с позиции лингвофольклористики. В первом параграфе главы – **«Интертекстуальность мотива как смыслового элемента текста»** – рассматриваются мотивы, представляющие интерес с интертекстуальных позиций и выступающие в качестве смыслового компонента в тексте сказки. Являясь «единицей смысловой индукции»⁵, «семантическим элементом текста»⁶, мотив «сопрягает различные и многие текстовые ряды в единое смысловое пространство»⁷.

В данном параграфе приводится интертекстуальная интерпретация следующих мотивов в сказках Л. Кэрролла: мотив сна, мотив попадания в колодец и мотив зазеркалья, так как они являются самыми ключевыми в тексте сказки, а также весьма характерными для данного жанра вообще.

Мотив сна представлен с разных позиций: лингвистической, психологической, психоаналитической, метафизической; особый акцент делается на психоаналитическом исследовании, поскольку психоанализ является важнейшей стратегией при интерпретации художественного и фольклорного текста, в частности, сказки.

Сон, охватывающий почти весь объем сказок Л. Кэрролла, рассматривается нами как текст, поскольку, как утверждает В. А. Лукин в работе «Художественный текст. Основы лингвистической теории», «Сон также является текстом»⁸. Мотивом сна обусловлено появление ряда образов, играющих вспомогательную роль в создании и углублении атмосферы сказочного сна, то есть сказочного повествования.

Во втором параграфе третьей главы – **«Интертекстуальность персонажа как персонификация определенных семантических признаков»** – произведена интертекстуальная интерпретация персонажей Л. Кэрролла по семантическим признакам путем установления интертекстуальных отношений с фольклорными сказками.

⁵ Гаспаров Б. Г. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996, с. 345-346.

⁶ Силантьев И. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 70.

⁷ там же, с. 60.

⁸ Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Ось - 89», 2005, с. 490.

Исследование основано на выводах лингвофольклориста Д. Ю. Пасечного, о том, что сказочный персонаж представляет собой персонификацию определенной семантической сферы – индивидуальной, семейной, сословной или пространственной. Персонажи сказок Л. Кэрролла наделены всеми семантическими признаками, характерными для фольклорных персонажей. Главная героиня Алиса, к примеру, является персонификацией как индивидуальной, так и семейной (две сестры), сословной (младшая сестра) и пространственной (пребывание в ином мире) семантических сфер.

В четвертой главе диссертации – **«Проявление интертекстуальности на семантическом уровне»** – анализируются сказки Л. Кэрролла на названном уровне посредством установления интертекстуальных параллелей с фольклорными сказками. Среди семантически важных приемов, использованных в тексте сказки Л. Кэрролла, выделяются следующие:

1) Приобретение местоимением, не имеющим конкретного референта, референциальной соотнесенности с определенным существом. Примером может служить алогичное употребление тех или иных представителей нулевого класса:

“I see nobody on the road,” said Alice.

“I only wish I had such eyes,” the King remarked in a fretful tone. “To be able to see Nobody! And at that distance too!” (Carroll 1982: 205).

Подобные примеры присутствуют также в фольклорных сказках типа К 602 «Никто» по каталогу С. Томпсона. Так, в британской сказке «Ничто-Ничего» (“Nix Nought Nothing”) мать называет ребенка Ничто-Ничего, в шотландской сказке «Я сам» (“My Own Self”) герой носит имя Я-Сам, в армянской фольклорной сказке «Ширин Шах и Бахр» («Շիրին Ի Բահր») – имя Вочинч.

2) Выражение «овеществленной реальности» существительными, обозначающими «пустое множество». В качестве примера выступают размышления Алисы о пламени свечи, в то время как свеча не горит, или угощение Алисы несуществующим вином:

And she tried to fancy what the flame of a candle is like after the candle is blown out, for she could not remember ever having seen such a thing (Carroll 1982: 21).

“Have some wine,” the March Hare said in an encouraging tone.

Alice looked all round the table, but there was nothing on it but tea. "I don't see any wine," she remarked.

"There isn't any," said the March Hare.

"It wasn't very civil of you to sit down without being invited," said the March Hare.

"I didn't know it was YOUR table," said Alice: "it's laid for a great many more than three" (Carroll 1982: 68).

Восприятие «несуществующего» в качестве «реального» происходит также в британской фольклорной сказке «Три умные головы» ("The Three Sillies"). «Несуществующий ребенок» был воспринят членами семьи в качестве «реального существа» и послужил причиной большого горя:

"Suppose him and me was to be married, and we was to have a son, and he was to grow up to be a man, and come down into the cellar to draw the beer, like as I'm doing now, and the mallet was to fall on his head and kill him, what a dreadful thing it would be!" And she put down the candle and the jug, and sat herself down and began a-crying (Jacobs 1968: 10).

Почти аналогичная история повторяется в сказке Ов. Туманяна «Смерть Кикоса» («Կիկոսի մահը»), которую можно условно считать фольклорной, поскольку в ее основу легла армянская фольклорная сказка «Сумасшедшие сестры» («Խելք ցալաւս քորերուն հերիարը»).

3) Выражение универсальных значений именами собственными. Если в обычной жизни имена собственные, как правило, не выражают какой-либо конкретный смысл, а всего лишь указывают на индивидуальный объект, то, рассмотрев семантику ряда имен – Шалтай-Болтай (Humpty Dumpty), Болванщик (Hatter), Мартовский Заяц (March Hare), Труляля и Траляля (Tweedledum, Tweedledee), мы пришли к выводу, что в сказках Л. Кэрролла, имена собственные выражают определенную суть и подобраны автором намеренно. Сказанное справедливо и для ряда фольклорных сказок, в которых имя собственное формируется благодаря антономазии, то есть употреблению описательных выражений вместо имени собственных: Snow White (Белоснежка), Aschenputtel (Золушка), Briar Rose (Шиповничек), Listener (Кто-всех-лучше-слышит), Drinker (Кто-всех-больше-выпьет), Eater (Кто-всех-больше-съест), Ոսկեմազիկը (Златовласка) и другие. Отметим,

что хотя в данных примерах интертекстуальность на уровне мотива не сохраняется, можно, однако, смело говорить о смысловой интертекстуальности.

4) Персонафикация ряда нарицательных существительных, представляющая интерес с семантико-стилистической точки зрения. К подобным существительным относятся, к примеру, элементы еды в сказках Л. Кэрролла: Mutton (Бараний Бок), Pudding (пудинг), Soup (суп):

The leg of mutton got up in the dish and made a little bow to Alice; and Alice returned the bow, not knowing whether to be frightened or amused

“What impertinence!” said the Pudding. “I wonder how you’d like it, if I were to cut a slice out of you, you creature!” (Carroll 1982: 240-241).

“Beautiful Soup, so rich and green,

Waiting in a hot tureen!

Who for such dainties would not stoop?

Soup of the evening, beautiful Soup!

Soup of the evening, beautiful Soup!” (Carroll 1982: 103).

Величание пищи, персонафикация блюд, «утопия еды» являются характерными как для сказок Л. Кэрролла, так и для фольклорных и классических сказок. Приведем следующие примеры: британские фольклорные сказки «Джонни-Пончик» (“Johnny-Cake”), «Осел, столик и дубинка» (“The Ass, the Table and the Stick”), «Пряничный мальчик» (“The Gingerbread Boy”), сказки Братьев Гримм «Гензель и Гретель» (“Hansel and Gretel”), «Сладкая каша» (“Sweet Porridge”), финальные формулы армянских фольклорных сказок: «Երկնքից ընկավ երեք խնձոր» (с неба упало три яблока) и так далее.

5) Использование абстрактных существительных в функции конкретных, например “temper”, “time” в фразеологических единицах “to lose temper”, “to beat time”. Причиной подобных семантических изменений выступает деформация фразеологической единицы, основанная на буквальном понимании элементов единицы.

б) Наличие неологизмов (“frumious” – молодой, “vorpal” – обоюдоострый, “manxome” – презренный, “uffish” – возвышенный и другие) и алогических образований⁹ (“Do bats eat cats?” “I eat what I see”, “I sleep when I breathe”, “I get what I like”).

Факт многих семантических аномалий в сказках Л. Кэрролла может быть мотивирован, если учесть, что сказки эти – сновидения. В частности, сказанное относится к алогическим образованиям, возникающим в речи персонажей. Речь спящего человека можно отождествить с бредом. «Развитие бреда ... продвигается благодаря сновидению, которое, не будучи вызванным никаким новым событием, видимо, полностью проистекает из его заполненной конфликтом психики»¹⁰.

Пятая глава диссертации – **«Проявление интертекстуальности на стилистическом уровне»** – посвящена тропологической интерпретации текстов сказок Л. Кэрролла через призму интертекстуальности, поскольку диалогизм текстов предполагает наличие интертекстуальных отношений не только на мотивном, персонажном и семантическом, но и на тропологическом уровне. Явление диалога тропов, то есть интертекстуальность тропов, находит свое яркое проявление в жанре сказки. Тропы из текста одной сказки выявляются и в других сказках, причем адекватная интерпретация тропа в определенном тексте требует выхода в другие тексты с наличием данного тропа, то есть выхода в интертекстуальное пространство. Среди характерных жанрообразующих тропов в сказке Л. Кэрролла выступают гипербола, литота, метаморфоза, антропоморфизм, эпитет, метонимия, в частности, синекдоха.

Первый параграф пятой главы – **«Псевдогипербола в викторианской и фольклорной сказке»** – посвящен анализу изменений в характере гиперболы, а именно, ее нейтрализации в сказочном тексте. Занимая заметное место в сказке и выражая ее сущность, гипербола является одним из значимых сказочных тропов. Сама природа сказки диктует наличие данного тропа в исследуемом жанре: искажение реальности, вымысел, отход от действительности, надежда видеть желаемое, часто далеко отстоящее от действительности.

⁹ Дживанян А. А. Лингвистические и логикокогнитивные параметры алогических образований в художественном тексте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, с. 43-46.

¹⁰ Фрейд З. Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена. // Классический психоанализ и художественная литература. СПб.: Питер, 2002. – с. 26.

Вследствие намеренного применения гиперболы в прямом смысле (альтернативное толкование приводит к логическому и семантическому абсурду), происходит нейтрализация данного тропа и появление ее нейтрализованной формы – псевдогиперболы. В качестве примера были рассмотрены гиперболы «потoki слез», «ручьи слез», «озерo слез» и «морe слез». Приведем абзац из сказки «Алиса в Стране чудес», в котором описывается, как Алиса, оставшись одна и отчаявшись, пролила столько слез, что вокруг нее образовалось озеро слез:

*Poor Alice! It was as much as she could do, lying down on one side, to look through into the garden with one eye; but to get through was more hopeless than ever: she sat down and began to cry again...shedding **gallons of tears**, until there was a large pool around her (Carroll 1982: 24).*

Фраза «ручьи слез» должна быть интерпретирована в прямом смысле, а не в переносном, иначе повествование окажется бессмысленным. Как известно, Алиса заплакала тогда, когда вытянулась футов до девяти. Слезы лились ручьями, и вскоре вокруг нее образовалась большая лужа дюйма в четыре глубиной. Сначала эта лужа на фоне ее роста была незаметной. Но после того как Алиса, взяв веер Кролика стала уменьшаться и достигла двух футов, лужа слез, наплаканных ею, стала для нее озером или морем, и она чуть не утонула в собственных слезах:

*...her foot slipped, and in another moment, splash! she was up to her chin in salt-water. Her first idea was that she had somehow fallen into the sea...However, she soon made out that she was in **the pool of tears** which she had wept when she was nine feet high. I shall be punished for it now by being drowned in my own tears! (Carroll 1982: 27).*

Как видим, если бы в ходе повествования не произошло нейтрализации тропа, то повествование лишилось бы сказочной логики. Если воспринимать гиперболу «озерo слез» в переносном значении, то было бы непонятно, как Алиса и удивительные животные плавают в нем. Итак, «лужа слез» превратилась в «озерo слез» благодаря тому, что рост Алисы, достигший было высоты в девять футов, стал меньше двух футов: нейтрализация гиперболы обусловлена изменениями размеров тела девочки.

Для более наглядного изображения процесса образования псевдогиперболы мы прибегли также к визуальной интерпретации текста. Образование псевдогиперболы ярко

представлено в иллюстрациях Д. Тенниела, Т. Янссона, Е. А. Шукаева, Р. Инглена, М. Пика и А. Геннадиева.

Троп «поток слез» часто встречается в материале фольклорных сказок. Так, в арцахской сказке «Злая старуха» («Չար ւառաւոր») падчерица так много плакала, что слезы ее превратились в реки и потекли к пастуху, находящемуся неподалеку. Пастух выпил воды из реки и увидел, что она соленая. Он удивился и решил найти источник этой воды. В конце концов, он нашел горько плачущую девушку. Приведем цитату из указанной сказки:

Ախջիգը ընգիս և ծմկնեն, լաց ինիլավ շոռ կլաս, վեր հացը ճարի: Շատ վեր լաց և ընիս, ըրտսունքները մին կլետ և տոնայս ըսկսիս քնալը: Էտ կլետետ ճուրը հսնիս և մին չորբանու: Չորբանը խմիս և, տսնայս աղի: Էտ վեր տսնայս և, գրմնայս ա: Եր և կնայս էտ ճրիտ վարը յոր ունես քիս... Շատ և քիս, խրեգլա քիս, տսնայս և մին ախջիգլ նստած մուղուր, մուղուր կլալավ խըրըվխարավ կլալավ լաց և ինիս (ՀԺՀ հ. V, 1966: 616):

В ряде армянских фольклорных сказок (АТ 480) – «Златовласка» («Ոսկեմազիկը»), «Родная дочь и падчерица» («Խորթ ախճիկն ու հալալ ախճիկն»), «Сказка о воле Вардике» («Վարդիկ եզան հեքիաթը»), «Мачеха» («Խորթ մոր հեքիաթը»), «Танджуман Хатун» («Թանջուման Խաթուն») – мачеха заставляет падчерицу проплакать столько, чтобы наполнить слезами корыто. Приведем следующий пример:

Էսա թաշտն էլ առցընքովտ ախտի լըցես, որ իրիկուն էկա տիսա իմ թամխածն չես արե՝ վայն իկե քո վերեն (ՀԺՀ հ., XIV, 1999: 200):

В этом параграфе рассматривается нейтрализация не только гиперболы, но и литоты – псевдолитоты. Причиной нейтрализации гиперболы и литоты в сказках Л. Кэрролла выступает специфический сказочный троп – метаморфоза. Псевдогипербола, в свою очередь, способствует появлению новых тропов – антропоморфизма и синекдохи.

Во втором параграфе данной главы – **«Антропоморфизм в викторианской и фольклорной сказке»** – анализируется один из важнейших специфических жанрообразующих сказочных тропов – антропоморфизм. В сказках Л. Кэрролла антропоморфическими свойствами наделены многие персонажи: Кролик, Мышь,

Попугайчик Лори, Робин Гусь, Додо, Гусеница, Мартовский Заяц, Черепаха Квази, Чеширский Кот и другие. Однако мы подробнее останавливаемся на примере Чеширского Кота, поскольку данный образ представляет интерес с интертекстуальных позиций и отображает одновременно комбинацию нескольких тропов – псевдогиперболы, синекдохи и антропоморфизма.

Несмотря на то, что в сказке есть и другие коты – Дина, Кити, Снежинка – антропоморфическими чертами наделяется лишь Чеширский Кот. Гиперболическое описание его внешнего облика мотивирует дальнейшее выделение из ряда ему подобных и присвоение ему мистических свойств. Чеширский Кот умеет разговаривать, улыбаться, философствовать, давать советы, тем самым резко отличаясь от своих сородичей. Он, безусловно, находится в ряду ученых котов, таких как булгаковский Бегемот, кот Мурр и другие. Л. Кэрролл, наделяя Чеширского Кота человеческими качествами, сближает его с фольклорными образами. Интертекстуальные параллели можно провести с котами из британских фольклорных сказок «Как коты стали мурлыкать» (“How Cats Got Their Purr”), «Король котов» (“King o’ the Cats”), армянской фольклорной сказки «Сказка о воле Вардике» («Վարդիկի եղան հերիշոր») и другие.

Третий параграф главы – **«Псевдосинекдоха в викторианской и фольклорной сказке»** – посвящен исследованию разновидности метонимии – синекдохи. Как в случаях с гиперболой и литотой, в тексте сказки наблюдается нейтрализация или материализация данного тропа и появление его разновидности – псевдосинекдохи. Псевдосинекдоха делает возможным дальнейшее логическое развитие сказочного повествования. Примером псевдосинекдохи в сказке «Алиса в Стране чудес» выступает парящая в воздухе голова кота.

Кот решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал: одна лишь голова является достаточной для подразумевания целого кота. Если вне сказочного контекста посредством синекдохи «голова» выражается все живое существо, будь то человек или животное (умная голова, много голов скота), то в контексте сказки, хотя и подразумевается целое животное, и героиня осознает, что разговаривает с котом, тем не менее, в буквальном смысле, материально выступает только голова. Иными словами, в сказке происходит анимация тропа, его нейтрализация, материализация: троп

применяется в прямом смысле. То есть в данном контексте синекдоху следует воспринимать в буквальном, а не переносном значении, что создает своеобразную юмористическую атмосферу в сказке.

Благодаря нейтрализации синекдохи происходит дальнейшее развертывание повествования. После того, как кот не пожелал поцеловать руку короля, последний повелел обезглавить кота. Однако, поскольку налицо только голова Чеширского Кота, палач отказался ее отрубить, объяснив, что это невозможно:

*The executioner's argument was, that **you couldn't cut off a head unless there was a body to cut it off from**: that he had never had to do such a thing before, and he wasn't going to begin at HIS time of life.*

The King's argument was, that anything that had a head could be beheaded, and that you weren't to talk nonsense (Carroll 1982: 86).

Если бы не произошло нейтрализации синекдохи, контекст лишился бы логичности, и не было бы никакого спора по поводу обезглавливания кота.

Нейтрализация синекдохи проявляется и на примере улыбки Чеширского Кота. После того, как кот растворился в воздухе, его улыбка еще долго парила в воздухе:

"All right," said the Cat; and this time it vanished quite slowly, beginning with the end of the tail, and ending with the grin, which remained some time after the rest of it had gone.

*"Well! I've often seen a cat without a grin," thought Alice; **but a grin without a cat! It's the most curious thing I ever say in my life!**" (Carroll 1982: 67).*

Обратим внимание на характер синекдох «голова» и «улыбка». В обоих случаях подразумевается весь кот целиком, поскольку и голова, и улыбка являются частью животного. Разумеется, улыбка передается посредством рта, однако «улыбка» выступает в первую очередь как часть головы Чеширского Кота, поскольку именно до появления его головы сначала вырисовывается улыбка, которая и исчезает после исчезновения головы. Таким образом, голова является частью кота, а улыбка – частью головы, и если голова – синекдоха, то улыбка – «синекдоха в синекдохе» (часть части). По аналогии с псевдогиперболой и псевдолитотой нейтрализованная синекдоха была названа псевдосинекдохой, а «синекдоха в синекдохе» – метасинекдохой.

Нейтрализация синекдохи наглядно представлена и на визуальном уровне, в иллюстрациях книг «Алиса в Стране чудес» художниками Т. Янссоном (Кэрролл 2009), Д. Тенниелом (Кэрролл 1991), Р. Ингленом (Кэрролл 2010), М. Пиком (Кэрролл 2009).

Рассмотрим интертекстуальное проявление синекдохи на примере фольклорных сказок. В британской сказке «Три головы в колодце» (“The Three Heads of the Well”) встречаются одинокие головы без туловища способные подобно живому человеку, разговаривать, петь, просить, благодарить:

*...coming to the well, she had no sooner sat down than a golden head came up singing:
“Wash me, and comb me,
And lay me down softly.
And lay me on a bank to dry,
That I may look pretty,
When somebody passes by.” (Jacobs 2009: 139).*

Во французской сказке «Белая Кошка» псевдосинекдохой выступают руки, которые накрывают на стол, подают ужин, одевают принца, оседлают коня. На самом деле это были слуги и служанки, представленные через руки. Поскольку основной функцией слуг и служанок является работа, они и представлены в сказке через руки. Ведь недаром через синекдоху «руки» передается понятие «рабочая сила».

Псевдосинекдоха присутствует также в корпусе армянских фольклорных сказок. Примером может послужить фольклорная сказка «Золотая коса» («Ոսկի ծամ»). Прочитируем следующий абзац из сказки:

*Թափափոր ապրած կենաս, տու որ էտա ծամ տիսիր իս ըտըսկընեն խելքըտ
կնացերի, ապա որ էտա ծամի տե՞ր տիսնաս, ինչ կանես (ՀԺՀ հ. XV, 1998: 42):*

Волосы героини, представляя отдельную часть женского тела, достигают далеких стран и позволяют царю узнать об ослепительной красоте их владелицы. Метонимически волосы женщины подразумевают саму женщину, как и борода – мужчину. Борода часто идентифицируется с ее владельцем, а в некоторых случаях может заменить его. Как пишет Раффи, виднейший представитель армянского романтизма, очень часто крестьянин, отправляющий работника или сына к соседу с поручением, в качестве опознавательного знака посылал гребень для бороды или волос из нее. Метонимия

«борода» стала основой возникновения таких имен собственных, как Морус (борода) в Армении, Бородин в России и Майборода на Украине. С этим связано поверье о том, что ребенок с таким именем доживет до глубокой старости¹¹.

В последнем параграфе главы – **«Исследование эпитетов на фоне интертекстуальности»** – анализ ряда атрибутивных словосочетаний в контексте сказки через установление интертекстуальных отношений с фольклорными сказками выявил, что атрибуты, которые вне текста сказки являются логическими определениями (например “a little house”, “a little three-legged table”, “a glass box”, “a golden key” и другие), в ее тексте выступают как эпитеты, что обусловлено их функцией в сказочном жанре. В силу того, что данные атрибуты выражают не только объективную реальность по отношению к определяемым словам, но и обладают эмоциональной, экспрессивно-образной, индивидуальной направленностью, созданной неоднократными повторами и контрастами, можно утверждать, что в контексте сказки они выступают эпитетами.

В **заключении** представлены результаты проведенного исследования:

1) Одним из ключевых источников текстообразования в сказках Л. Кэрролла выступает фольклорная сказка, которая, будучи первоосновой литературной сказки, является ее фундаментом, базисом, стержнем, предтекстом. Следовательно, в целях детального, основательного, всестороннего исследования текста литературной сказки, в том числе и сказок Л. Кэрролла, является значимым установление интертекстуальных отношений с текстами фольклорных сказок.

2) Интертекстуальная соотнесенность между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками проявляется на различных уровнях – мотивном, персонажном, семантическом и стилистическом. Несмотря на то, что в нашем исследовании первичным выступает проявление интертекстуальной соотнесенности на семантическом и стилистическом уровнях, все уровни интертекстуальности взаимосвязаны друг с другом, дополняют друг друга и вносят свою лепту в исчерпывающую интертекстуальную интерпретацию сказок; следовательно, рассмотрение всех уровней интертекстуальности является значимым.

3) Интертекстуальная интерпретация на уровне мотива выявляет наличие основных мотивов сказок Л. Кэрролла (мотива сна, мотива попадания в колодец и мотива

¹¹ Jivanyan A. *As White as a Wisp of Cotton: on the Rhetoric of Armenian Spinnig Tales*. Yerevan: Zangak, 2006, p. 19-20.

зазеркалья) и в текстах фольклорных сказок. Интертекстуальная параллель проявляется также в функциях вышеуказанных мотивов, основной из которых является функция проводника в фантастический, волшебный, нереальный, возможный мир, характеризующий сущность сказочного жанра.

Мотивом сна обусловлено появление ряда образов, играющих вспомогательную роль в создании и развертывании атмосферы сказочного сна, то есть сказочного повествования.

Психоаналитический анализ текста-сна Л. Кэрролла играет большую роль в семантической интерпретации контрастов в «Алисе в Стране чудес», благодаря которым становится возможным продвижение сказочного нарратива и формирование ряда жанрообразующих тропов, таких как псевдогипербола, псевдолитота, антропоморфизм.

Интертекстуальные отношения на уровне мотива указывают на необходимость восприятия и исследования текстов в качестве единой смысловой целостности, в частности, внутри определенного жанра.

4) Интертекстуальная интерпретация персонажей по семантическим признакам в сказках Л. Кэрролла выявляет наличие в них всех семантических характеристик (индивидуальной, семейной, сословной и пространственной), характерных для фольклорных персонажей.

5) Интертекстуальная интерпретация на семантическом уровне раскрывает наличие аналогичных семантически важных приемов как в сказках Л. Кэрролла, так и в фольклорных сказках и играет вспомогательную роль в раскрытии логической семантической полноценности ряда алогичных, аномальных с точки зрения нормативной лингвистики явлений, встречающихся неоднократно в текстах Л. Кэрролла.

6) Проявление интертекстуальности на стилистическом уровне доказывает наличие диалога тропов между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками. Характерными жанрообразующими тропами в сказках Л. Кэрролла выступают гипербола, литота, метаморфоза, антропоморфизм, эпитет, метонимия, в частности, синекдоха.

Установление интертекстуальных отношений между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками выявляет факт нейтрализации ряда тропов, то есть применения тропов в буквальном смысле. Лишь благодаря этому становится возможным логическое и

семантическое продвижение сказочного нарратива. Нейтрализацией тропов обусловлено появление псевдогиперболы, псевдолитоты, псевдосинекдохи в жанре сказки.

Интертекстуальная соотнесенность сказок Л. Кэрролла с фольклорными сказками раскрывает изменения в характере логических определений в сказочном жанре: нередко атрибуты, выступающие логическими определениями вне текста сказки, в тексте сказки приобретают статус эпитета, поскольку помимо выражения характерных свойств предметов и явлений, они вносят чувственность, экспрессивность, создают образность, выражают эмоциональность, выявляют индивидуально-оценочное отношение к предмету мысли.

Очень часто возникновение тропа в сказочном тексте обусловлено цепной связью – троп порождает новый троп, являющийся основой для возникновения еще одного тропа: метаморфоза – псевдолитота или псевдогипербола – псевдосинекдоха.

В сказочном тексте возможна синхронная реализация двух отличных тропов, например метаморфозы и псевдогиперболы, метаморфозы и псевдолитоты, псевдогиперболы и псевдосинекдохи и т. д. С другой стороны, один и тот же троп может реализоваться в разных функциях, образуя разновидности основного тропа: синекдоха – псевдосинекдоха, метасинекдоха (синекдоха в синекдохе).

Интертекстуальное исследование тропов в тексте сказки подтверждает их специфическое проявление в данном жанре и необходимость выхода в другие тексты, то есть в интертекстуальное пространство, для их полноценной корректной интерпретации.

7) Возможно установление интертекстуальных параллелей не только между сказками Л. Кэрролла и сказками родственных культур, но также между довольно отдаленными друг от друга национальными традициями, например, армянской.

Таким образом, выявление интертекстуальных параллелей на различных уровнях между сказками Л. Кэрролла и фольклорными сказками свидетельствует о том, что литературная сказка возникла на основе фольклорной, унаследовала многие ее признаки, преобразуя и дополняя их.

Интертекстуальность доказывает правомерность концепции о едином сказочном происхождении, необходимости целостного изучения сказки и признания сказки одним из самых интертекстуальных жанров литературы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Интертекстуальное отражение тропов «ручьи слез» и «озеро слез» в викторианской и фольклорной сказке // Աստղիկ № 20-21 (Գիրք թարգմանչաց): Եր., «Սահակ Պարթև» հրատ., 2010, էջ 228-236.
2. Стилистический анализ образа Чеширского Кота в свете интертекстуальности // «Հասկեր». մանկական գրականության և բանասիրության տարեգիրք: Երևան, Հովհ. Թումանյանի թանգ., 2010, էջ 114-126.
3. Проявление интертекстуальности на уровне мотива в сказках Л. Кэрролла // Լրատու. Մեսրոպ Մաշտոց համալսարան: Գիտական հոդվածների ժողովածու, 1(12): Երևան, 2012, էջ 202-213.

ԼՈՒՍԻՆԵ ՍՈՒՐԵՆԻ ԹՈՎՄԱՍՅԱՆ

ՄԻՋՏԵՔՍԱՅՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՀԵՔԻԱԹԱՅԻՆ ՊԱՏՈՒՄԻ
ՄԵԿՆՈՒԹՅԱՆ ԵԼԱԿԵՏ

(վիկտորիանական հեքիաթի նյութի հիման վրա)

Ժ.02.07 – «Գերմանական լեզուներ» մասնագիտությամբ
բանասիրական գիտությունների թեկնածուի
գիտական աստիճանի հայցման ատենախոսություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ատենախոսությունը նվիրված է վիկտորիանական դարաշրջանի ամենանշանավոր ներկայացուցիչներից մեկի՝ Լ. Քերոլի հեքիաթ-վիպակների միջտեքստային վերլուծությանն ու մեկնությանը:

Ուսումնասիրության արդիականությունը պայմանավորված է նրանով, որ միջտեքստայնությունը տեքստերի, այդ թվում հեքիաթի տեքստի, ձևավորման և մեկնության համար կայուն հիմք է ծառայում:

Աշխատանքի գիտական նորույթն այն է, որ առաջին անգամ իրականացվում է վիկտորիանական հեքիաթի միջտեքստայնության համալիր և մանրամասն քննություն դիպաշարային, կերպարային, իմաստաբանական և ոճագիտական մակարդակներում: Ատենախոսության մեջ հատկապես կարևորվում է ոճագիտական մակարդակը. մանրամասն քննության են ենթարկվում հեքիաթի ոճահնարային դրսևորումները. կեղծ չափազանցությունը, կեղծ նվազաբանությունը, կեղծ փոխանունությունը և այլն: Ոճահնարների քննությունը ներառում է նաև պատկերային մեկնություն, քանի որ վերջինս հանդես է գալիս որպես տեքստի մեկնության հնարավոր տարբերակ:

Ուսումնասիրության նպատակը Լ. Քերոլի հեքիաթ-վիպակների և բանահյուսական հեքիաթների միջև միջտեքստային առնչությունների հաստատումն է, ինչպես նաև վիկտորիանական հեքիաթի տեքստի ընկալման և մեկնության մեջ միջտեքստայնության դերի ու նշանակության բացահայտումը:

Աշխատանքի տեսական արժեքը պայմանավորված է ստացված արդյունքներով, որոնք կարող են համեստ ներդրում լինել միջտեքստայնության տեսության, ոճագիտության, առանձնապես զուգադրական ոճագիտության և լեզվաբանագիտության բնագավառներում:

Աշխատանքի գործնական նշանակությունը պայմանավորված է նրանով, որ ուսումնասիրության արդյունքները կարող են կիրառվել զուգադրական ոճագիտության, լեզվաբանագիտության և տեքստի մեկնության դասընթացներում:

Ատենախոսության կառուցվածքը: Ատենախոսությունը կազմված է ներածությունից, հինգ գլուխներից, եզրակացությունից, օգտագործած գրականության ցանկից:

Ներածության մեջ հիմնավորվում են թեմայի արդիականությունը, գիտական նորույթը, որոշարկվում են նպատակը, խնդիրները, ուսումնասիրության մեթոդները, բացահայտվում է աշխատանքի տեսական ու գործնական նշանակությունը, ձևավորված են պաշտպանության ներկայացվող հիմնական դրույթները:

Առաջին գլխում՝ «Միջտեքստայնությունը որպես տեքստային կարգ», ներկայացվում են ուսումնասիրության ընդհանուր տեսական դրույթները:

Երկրորդ գլուխը՝ «Միջտեքստայնությունը հեքիաթային պատումում», նվիրված է միջտեքստայնության կարգի ուսումնասիրությանը հեքիաթի ժանրում:

Երրորդ գլխում՝ «Միջտեքստայնության դրսևորումը դիպաշարային և կերպարային մակարդակներում» քերական հեքիաթին բնորոշ մի շարք դիպաշարեր և կերպարներ վերլուծության են ենթարկվում լեզվաբանագիտության տեսանկյունից:

Չորրորդ գլխում՝ «Միջտեքստայնության դրսևորումը իմաստաբանական մակարդակում», Լ. Քերոլի հեքիաթները իմաստային վերլուծության են ենթարկվում բանահյուսական հեքիաթների հետ միջտեքստային առնչությունների համատեքստում:

Հինգերորդ գլխում՝ «Միջտեքստայնության դրսևորումը ոճագիտական մակարդակում», միջտեքստային առնչությունների միջոցով բացահայտվում և մեկնության են ենթարկվում քերական տեքստերի ոճահնարային առանձնահատկությունները:

Եզրակացության մեջ ամփոփվել են աշխատանքի հիմնական արդյունքները, համակարգվել ու ձևակերպվել են կարևորագույն դրույթները:

LUSINE TOVMASYAN

INTERTEXTUALITY AS A MEANS OF STUDYING

FAIRY TALE NARRATIVES

(on the material of the Victorian fairy tale)

SUMMARY

The thesis is devoted to the intertextual interpretation of Lewis Carroll's tales.

The relevance of the research is determined by the leading role of intertextuality as a major and constant structural basis for the shaping and interpretation of texts, fairy tale texts in particular.

The novelty of the research is provided by the comprehensive multilevel intertextual study of the Victorian tale on the levels of motif, character, semantics and stylistics (tropes in particular).

Tropological study reveals the patterning of specific fairy tale tropes: pseudohyperbole, pseudolitote, and pseudosynecdoche among them. The tropological level is subjected to visual interpretation too, since illustration is often seen as a unique interpretative strategy for reading fairy tale texts.

The research is aimed at establishing various intertextual relations between Carroll's tales and tale narratives of folk origin as well as identifying the nature and significance of intertextual equivalence in reading and analyzing the Victorian fairy tale.

The theoretical value of the study consists in the possible contribution of the research results to the theory of intertextuality and the poetics of fairy tales, both literary and traditional.

The practical significance lies in the fact that the obtained results can be applied in the design of theoretical courses in stylistics, comparative rhetoric and poetics, text interpretation and linguofolkloristics.

The paper consists of Introduction, Five Chapters, Conclusion and List of References.

The Introduction presents the goal of the research and its objectives, the topical issues and novelty, as well as the methods of investigation and specifies its practical and theoretical value.

Chapter One *Intertextuality as a Textual Category* outlines the prerequisites of theoretical study. It concentrates on the study of different approaches to the notion of "intertextuality", as well as characterizes its nature and functions.

Chapter Two *Intertextuality in the Fairy Tale Narrative* is devoted to the research of a variety of intertextual correlations in fairy tale narratives. The availability of similar and identical features, motifs, characters, semantic and linguostylistic elements indicates that fairy tale is one of the “most intertextual” genres of the literature.

Chapter Three *Intertextuality on the Level of Motif and Character* provides a detailed analysis of a number of motifs and characters in terms of linguofolkloristics. Much attention is paid to the description of motifs which are of great interest for an intertextual scrutiny and can be held as key semantic components in a fairy tale narrative. Carroll’s personages and folk tale characters are both viewed as personifications of certain semantic spheres, individual, class or spatial.

Chapter Four *Intertextuality on the Semantic Level* deals with the semantic study of Carroll’s tales through their obvious intertextual parallels with folk tales.

Chapter Five *Intertextuality on the Stylistic Level* is devoted to the intertextual tropological reading of Carroll’s tales. Among the most specific fairy tale tropes hyperbole, litotes, metamorphosis, anthropomorphism, epithet, metonymy are distinguished. Very often fairy tale tropes are used in their “animated” meanings this leading to their neutralization and patterning of specific tropes, such as pseudohyperbole, pseudolitotes, and pseudosynecdoche.

The fairy tale text is often characterized by possible simultaneous realization of two various tropes such as metamorphosis and pseudohyperbole, metamorphosis and pseudolitotes or pseudohyperbole and pseudosynecdoche. On the other hand the same trope may lead to different varieties: synecdoche, pseudosynecdoche, metasynecdoche.

The results of the research are presented in the Conclusion.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters that appear to be 'M. J.' or similar initials.